

рую выше всего красного из сочинений почитает и в которой полагает он пример всея пиитическая высокости. Подлинно, презрядный в ней жар и движение; однако как много в ней ложных мыслей, так и не сходственных с мыслями слов. Она вся то, что у французов называется фебюс, а мы можем назвать надутых пузырей пускание или ртом облаков хватание». Порицая, по ходу смысла строфы, выражение Сумарокова «На грозный вал поставив ногу», Тредиаковский в «Письме о стихотворении» (1750) говорит: «Сие значит, что автор не больше о сходстве в смысле, сколько о звонких словах, хотя и пустых, старался. Но не звонкое ль бы которое-нибудь слово было, когда б автор вместо грозного вала поставил или быстрый или зыбкий или какой другой вал? Однако сии слова не показались автору... ибо автору надобен токмо звон, а кроме того ничто: ему и Лев Исавр пышным кажется именем, как то я сам несколько раз от него слышал. Удивительно, как он сего пышного имени в громкой сей строфе не поставил; для его сочинения все равно, что на грозный вал, что на Лев Исавр». Все это не значит, что Тредиаковский совсем отвергал эстетическую функцию звучания стиха; его изучения ритмики и метрики русского стиха доказывают его внимание к звуковой организации поэтической речи, так же как ритмическая и фонетическая структура его гексаметра в «Тилемахиде», так тонко исследованная Радищевым в статье «Памятник дактило-хоренческому витязю».

#### 4

Одной из основ понимания Тредиаковским конкретных вопросов искусства, его мышления как литературного теоретика и критика были рационализм и стремление все элементы русской поэзии подвести под правило, под норму, ввести в рамки точного и обязательного закона. Всякое проявление индивидуального начала в искусстве глубоко чуждо Тредиаковскому и даже ненавистно ему, если оно нарушает все нивелирующие предписания правила, основанного на авторитете традиции и разума, как их понял и принял Тредиаковский. Никакого участия фантазии, творческого произвола поэта, ничего непроясненного сознанием в процессе и в результате творчества он не приемлет. Для него процесс созидания явлений искусства — это целенаправленный труд, тяжкий, напряженный, обставленный со всех сторон предписаниями и предупреждениями теории, это решение сложнейшей технической задачи, где все заранее дано, но где выполнить все условия, не впав ни в какое прегрешение, может только тот, кто долговременным изучением слил свое сознание со всеми этими условиями, предписаниями, законами и техническими трудностями. В своем эстетическом мировоззрении в данном отношении Тредиаковский был и одним из последних русских